

ДАРЬЯ ГОНЧАРОВА

ВНУТРИ ВОСПОМИНАНИЙ

12+

Дарья Гончарова

Внутри воспоминаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59133312

SelfPub; 2025

Аннотация

Воспоминания – тягучая субстанция, обволакивающая меня, заставляющая задаваться вопросами. Чтобы по-настоящему понять каждого, нужно оказаться внутри его воспоминаний. Здесь вы узнаете меня и, возможно, начнёте узнавать себя. Ведь все мы, каждый из нас – такой же сборник рассказов.

Содержание

Предисловие	4
О чём думает женщина, пока смотрит в окно?	6
«Lady in Red»	8
Счастливое детство	10
Приключение в трамвае. А ты вспоминаешь о нём?	16
Во снах мы видим то, чего уже нет. Тоска и восхищение	19
Как начинается весна	20
Наш дом, наш сад, наша улица	23
Первая ложь, ради конфеты «Barbie»	29
В мире теперь есть один человек, который немного лучше меня	32
Пока садится солнце	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Гончарова

Внутри воспоминаний

Предисловие

Наверное, каждый из нас хранит внутри себя застывшие во времени кадры своей жизни. Бывает, едешь где-то или стоишь в очереди, а может быть, просто выпал из суеты, глядя в окно, – и вдруг просочилось нежданное воспоминание, а иногда и целый коридор из них, и ты плутаешь там в поисках чего-то.

Некоторые кадры такие тёплые, как мамина песня перед сном: закрыв глаза, я и сейчас слышу её нежный голос, уносящий дурные мысли прочь. Другие – радостные и крепкие, как дедушкины объятия после долгой разлуки. Есть и смешные воспоминания – мы с папой смотрим «Мистера Бина», время полночь, мне уже давно пора спать, а мы хохочем невозможно! Так, что слёзы на глазах. Есть звонкие и весёлые кадры, словно лай нашего первого щенка Дандика, которого папа принёс в сумке с работы. А ещё множество шумных и смазанных вспышек, они как конфетти, выпущенное в летнее небо, – встречи с родными и друзьями. Среди всех этих воспоминаний есть и грустные, перевязанные буднями каждого дня и спрятанные под подушку.

И все они со мной всегда, каждый день. Где бы я ни была, дома или на работе, в отпуске или на даче в солнечный денёк – внутри меня всегда они, перемешиваются, как призовые бумажки в пластиковом контейнере, а потом щелчок – и я в омуте воспоминания.

О чём думает женщина, пока смотрит в окно?

Закрываю глаза и вижу со спины маму, сидящую на деревянном полу в позе русалочки, ноги сложены вбок, как плавник, отчего длинная юбка легла красивой драпировкой. Волосы собраны в пучок, а некоторые тонкие пряди выбились и упали по бокам лица. На плечи накинута бабушкина серо-синяя шаль широкой вязки. Её фигура в контровом свете, поэтому другие детали мне не видны, только пушистый силуэт в мягкой дымке.

Взгляд мамы направлен сквозь деревянное панорамное окно, открыв которое можно выйти на небольшую террасу. Она же является крышей первого этажа – открытой веранды. Там, «под навесом», мы пьём чай из самовара с печеньем.

Мама смотрит в нежно-зелёный, пронизанный майским солнцем, цветущий сад. Он полон жизни! Он и есть жизнь.

В тишине комнаты над нами летают любовь и непокой одновременно. Ведь то, что больше всего любишь, так боишься потерять навсегда.

Прямо под окном яблоня широко расправила изогнутые ветви и цветёт крупными бутонами. Большие бело-розовые лепестки, опав, скопились воздушными слоями на террасе, а те, что держались на дереве, медленно опадают, одновре-

менно с маминым дыханием и движением ресниц. В эту минуту всё соединилось в единый такт: жизнь сада, медитация женщины у окна, мое тихое наблюдение за ней и мелодии из бабушкиного радиоприёмника, доносящиеся снизу, гул соседей и улицы, поток будней и лет, незначительность всего и значимость одного единственного момента. Этого.

«Lady in Red»

В мои 12 лет у меня было всё, о чём можно мечтать: большие качели в саду, шумная улица друзей, хлеб на костре, бабушки с дедушками и самые сладкие абрикосы в мире – вёдрами. Соседка по улице делала сладкий «хворост» на всю детвору, моя мама пекла булочки с корицей и пироги с яблоками. Все делились всем: и хорошим, и плохим.

Летом мы мотались на улице до черноты, а как только слышали папин свист, бежали домой – пора. Мы были вечно перемазанные зеленкой и йодом, с ободранными коленками, локтями и ладонями. Играли в догонялки и «казаки-разбойники», гоняли на велосипедах до изнеможения. Бесконечная свобода от забот, решений и какого-либо смысла!

Зимой соседи, очищая снег около своих домов, скидывали его в сторону, формируя огромные сугробы, мы прорывали в них ходы-подземелья и ползали внутри, как червяки. Приходили домой с примерзшими к одежде кусками снега в несколько слоёв, в прихожей мама обивала это веником, и только потом можно было попасть в жар дома, развесить мокрые вещи по батареям и бежать есть блинчики с мясом и пить сладкий чай.

Одним зимним январским вечером, в годовщину свадьбы родителей, мама подарила папе музыкальный диск (они тогда только появились и после кассет казались волшебством).

Эта радужная лепёшка содержала в себе сборник американских романтических баллад 80-х годов. Мы с братом хихикали над этим любовным подарком и песнями. Чуть позже мама включила диск, и медленные, романтические баллады стали обволакивать нас, комнату, улицу и всё, что было дальше. Я качалась на качелях, висевших в дверном проёме, брат копошился в машинках, комментируя свою игру. В комнате был теплый, приглушённый свет, родители покачивались под «Lady in Red» в медленных совместных движениях, подпевая на припеве. Папа почти не попадал в ноты, но очень старался, запрокидывал голову, зажмурился глазами. Мама тоже зажмурилась, но попадала идеально, как всегда. Родители поглядывали то на меня, то на брата таким особенным взглядом, он искрился и внушал – этому никогда не будет конца, мы всегда вместе. Я качалась, смотря на них, и что-то во мне зарождалось. Что-то хорошее. За окном с замиранием падали большие белые хлопья и, оставаясь на каждой ветке, превращали деревья в снежный свитер. Все песни с этого диска мы потом, конечно, до дыр заслушали и выучили. Пели кривым английским Sade и всех остальных.

Через три года мы переехали в Москву и этот диск забыли. Случилась совершенно новая жизнь. Тот зимний вечер навсегда сохранил и уютно закутал в романтические баллады самую светлую часть нашей маленькой дружной семьи. И, если становится совсем темно, я закрываю глаза, а там это воспоминание-светлячок.

Счастливое детство

В комнате солнечно, чисто, открыто окно, и у нас с папой есть серьёзное задание, которое мы с азартом выполняем. Нужно спеть в микрофон песню, и она запишется на плёнку магнитофона. То есть, по-хорошему, нужно обязательно сделать это с первого раза, потому что плёнка имеет свойство заканчиваться и стоит денег – так объяснял папа. Наши с ним партии из мультика «Бременские музыканты», который я очень люблю – папа Трубадур, а я Принцесса. Сначала мы слушаем, как поют из винилового проигрывателя герои мультфильма, потом играет только музыка, и каждый из нас должен исполнить партию, под запись. Папа спел свою часть, поставил на паузу музыку и спрашивает меня: «Ты готова?»

Я говорю: «Да!»

Он: «Даш, ты точно готова?»

Я: «Да, точно, пап! Готова!»

Идёт мой проигрыш, и потом тишина для моей партии. Тишина всё длится и длится, а я не могу вымолвить ни слова. Папа смотрит на меня выпученными глазами, микрофон такой огромный, и я, боясь всё испортить, продолжаю молчать. Папа нажимает паузу, молчит.

Я говорю: «Давай ещё раз попробуем, я что-то не смогла».

Он говорит: «Хорошо, давай. Готова?»

Я: «Да».

Мы снова слушаем партии артистов, как они поют, потом проигрыш, папа поёт свою партию. Внутри меня спокойствие, я не волнуюсь и слушаю, но ощущаю, как внутри меня зародилось любопытство – а что будет, какая будет реакция, если я снова не буду петь?!

Наступает моя очередь, папа спрашивает: «Ну, готова?»

Я: «Да, нажимай!»

И вот вновь папа смотрит на меня с ожиданием, его глаза с каждой секундой становятся всё более круглыми и выпуклыми, лицо краснеет, а я всё не могу и не могу сказать ни слова в микрофон. Внутри меня всё клоочет от смеха, такое лицо у него было! Сильнее желания засмеяться был стыд и стеснение, что я подвожу папу, а ещё появилось что-то новое – любопытство. Желание провоцировать и наблюдать.

Я просыпаюсь ранним, ещё тёмным, осенним утром накануне дня рождения и вижу через приоткрытую дверь, как родители готовят мне подарки, горит небольшая лампа, освещающая их лица и чуть-чуть комнату. Папа перекидывает в руках пластиковую «радугу», модную в 90-е, с ладони на ладонь, «вжух-вжух» – приятно щёлкает, я очень её хотела! Мама перебирает книги и конфеты, которые готовит к подарочной упаковке. Они улыбаются, болтают о чём-то, шутят. Я умиляюсь и, в ожидании от получения утром подарков, кутаюсь сильнее в одеяло и засыпаю.

Папа взял меня с собой на работу, я давно хотела, посмотреть, как там вообще – в пожарной охране. Заходим в здание, и оно всё – сплошные тускловатые коридоры, в них стены с кабинетами. На моём пути огромная собака, которая снималась в фильме «Бетховен», я перешагиваю через неё, немного опасаясь, но она просто дремлет, поглядывая на меня сквозь приоткрытый глаз. Мы с папой попадаем в комнату, где много телефонов, иногда они звонят, и тётки принимают вызовы, отправляя огромные красные пожарные машины на вызов. Чуть позже я сижу в кабинете папы и жду, когда он поделает дела и принесёт разные сладости нам к чаю. А пока его нет, я могу рассмотреть на столе и потрогать всё-всё – даже стетоскоп и врачебного манекена, перебрать необычные папины рисунки, он рисует чёрной гелевой ручкой на желтоватой тонкой бумаге. Там, в его кабинете, в какой-то момент меня переполняет гордость: мой папа – врач! Он спасает людей, когда пожар и опасность!

Неожиданно под вечер приехала бабушка Зоя с Вячеслав Санычем, забрать меня на дачу. Я довольная ужасно, бегу в комнату собирать вещи.

Захожу, а мама плачет! Первый раз я увидела, как плачет моя мама!

Очень хотелось на дачу, с бабушкой, но так было жалко маму, что у меня сжался живот: как поступить, что делать? Она сжалась одинокой фигурой и издавала горькие-прегорь-

кие звуки – было невозможно. Я предлагала остаться. Но мама тихо и ласково сказала: «Доченька, езжай, конечно, если хочешь. Ты же хочешь?» «Да, хочу», – сказала я.

Пока ехала в машине с бабушкой, думала: «Бедная моя мама, почему же она так плакала?»

Проругала себя всю дорогу за то, что выбрала дачу, а не маму.

Летний южный вечер. Воздух и всё вокруг окутано серо-голубой дымкой – в небо идут длинные клубы костров из дворов соседей. Вдалеке залаяла наша собака – чует родной запах, и через пару минут на углу улицы появляется папа, наконец-то! Мы с братом изо всех сил бежим к нему, во что бы мы ни играли и что бы мы ни делали! Какая это радость, что он пришёл! «Папа! Папа!» – кричим мы и, подбегая, обнимаемся.

Мы постоянно гуляли в нашем любимом парке «Динамо». Папа водил меня разными дорожками, через стадион – в одну сторону, а назад – через частный сектор, ведь так всегда интереснее. Если поднять голову вверх, пока идёшь, то видно пузо моста, его длинные ноги уходили до верхушек деревьев, а мы, гуляя по нему, висели где-то посередине, как птицы. Я срывала с верхних веток дубов желуди, стоя на этом совершенно пустом, нерабочем мосту. Никакой тени там не было, поэтому, гуляя там, мы плавилась на жаре, но домой

не шли. Это было наше время.

Родители обожали петь, оба. И вся их компания. Дом был всегда наполнен встречами с родственниками и друзьями, у нас всегда были гости.

Мама обожала Машу Распутину и, когда вся кутерьма закручивалась, все пели и плясали именно под песню Распутиной – мама показывала руками силача, поднимая их и напрягая бицуху. Папе это не нравилось, он строго смотрел на маму в такие моменты, а она довольно ухмылялась. За их спинами на пианино стоял огромный черно-белый портрет мамы – ей лет 20, волосы собраны в хвост, а те, что около лица, светятся, как и вся мама, её лицо, глаза, улыбка. Нет ничего красивее этого портрета.

И наше место у костра поросло травой,
И наши деревья уменьшились вдвое.
Тебе по плечу проведу я рукой,
Но это лишь в мыслях. Покой.
Покой – это то, чем стал наш сад
Скукожился и зарос,
А раньше цветами благоухал,
Но ветер все стер и унес
В чьи-то другие сады и семьи,
Где дети пищат во дворе,
А наш клен соседи спилили

Однажды, с утра, в сентябре.

Приключение в трамвае. А ты вспоминаешь о нём?

На дворе зима, такая холодная-серебряная, с синим-синим небом. С ярким солнцем. Всё переливается, слепит глаза, деревья будто покрыты блестящим мхом. Мы опаздываем в школу из-за меня, спешим.

Пытаюсь вдеть руку в варежку на резинке, она отпрыгивает, не слушается меня, одеваюсь на бегу. Катюшка нервничает, она очень ответственна, ей заранее стыдно за нас, а мне нет. Мне смешно и любопытно – ну а что будет, если мы опоздаем в школу? Дорога до неё лежит через запущенный лесной парк, можно идти пешком, а можно ехать. С учётом опоздания и мороза, наш выбор очевиден – бежим к остановке, трамвай подъезжает, двери открываются.

Катя на бегу кричит: «А что, если это не наш номер?»

Я отвечаю: «Наш, наш, садись!»

На просвете было видно очертания, и я догадалась, что там цифра «7» – этот номер шёл на другую сторону города, через мост и на левый берег – получается, не в школу. Я ничего не сказала, решила посмотреть, что будет дальше.

Катюшка прошла по салону и села спиной по ходу движения, переживает, теребит варежки. Её глаза бегают за стенами трамвая, цепляясь за пролетающие зимние пейзажи. Я

сизу с хитрой мордочкой, сдерживаю себя изо всех сил, понимая, что вот-вот выйдет машинист, возьмет лом и сдвинет рельсы в «чужую» сторону. Внутри меня всё клокочет от азарта, жду момент, когда увижу глаза подружки в секунду осознания нашего прокола. Трамвай притормаживает, выходит вагоновожатый, и рельс шевелится под нами. В глазах Кати – надежда, и я подогреваю её, уверяя, что мы точно едем в школу. Начался поворот направо, и я вижу испуганный взгляд Катюши – мы же ни разу там не были! Никогда не уезжали туда сами – одни! А теперь мчимся к огромному длинному мосту, который увезёт нас на другой берег нашего города.

Преодолев бетонный тоннель и улицу среди веток деревьев, мы выехали на второй этаж – высокую и узкую часть моста, тут ходят только трамваи. Пласт моста под нами – машины, ещё ниже – замерзшая река! Я затрепетала: ужасно боюсь воды и немного, как оказалось высоты! Состав нёсся стремительно, его резко качало из стороны в сторону, но наблюдать этот впервые открывшийся мне вид было необыкновенно захватывающе.

Восторг! И дыхание остановилось.

Нам открылась бескрайняя гладь реки, покрытая голубоватым льдом и лёгким, блестящим снегом. Он кружился, поднимаемый ветром, завивался и скользил по замёрзшему полю реки. Всюду чернели бусины – лунки и рыбаки с удочками. Мы прильнули к окну, оставляя пар на узоре стекла. Я

подумала: «Мир так прекрасен и велик! А человек так мал и прост, может, мы созданы, чтобы просто раствориться в мире».

Трамвайчик мчит от одного берега к другому, внизу проносятся машины и верхушки снежных тополей, и сидят в нем две школьницы, которые опаздывают на первый урок. И вот из-за перины серых облаков наконец выглядывает солнце, и в их глазах – восхищение! Всё стало совершенно чистым, белым, ярким! Блики солнца преломляются на окнах вагона, играют на лицах девчонок, блестят в больших карих глазах Катюшки.

Во снах мы видим то, чего уже нет. Тоска и восхищение

Мне часто снится этот сон, но это и вправду было.

Одно из первых детских воспоминаний. Зима. Мне года 3-4, я в шубе и сапожках, мельтешу ногами, спешу за бабушкой, успевая немного подбрасывать снег. Смотрю, как он искрится на солнце, будто много маленьких радуг под ногами! Бабушка тянет меня за руку, ведет по снежной тропинке, та не очищена от снега, как мы сейчас привыкли, и идти сложно. Я тогда подумала: «А что это мы делаем в лесу?»

Нас окружали высоченные сосны, под ногами хрустели шишки и был такой запах, я его и сейчас люблю очень – мороза и хвойных деревьев. Из-под шапки выбивались мои белые кудряшки, и рука горела от того, как сильно ее сжимала бабушка Ира.

Мы не раз потом приходили туда гулять, в этот парк – «Танаис». Внутри парка было много резных деревянных фигурок – героев русских детских сказок – и ездил детский паровоз по настоящим рельсам. Недалеко от парка была больница, ее фасад украшала красивая мозаика со спортсменами советских времён. Пытаясь поймать мое воспоминание, я побывала в этом парке не так давно. Сосны остались, и запах тот же, но всего остального, конечно, уже нет.

Как начинается весна

Медленно подкрадывается такая особенная, предвесенняя пора – я помню её по школе: выходишь после уроков и первый раз в этом году не застёгиваешь молнию на куртке, первый раз в этом году покупаешь мороженое в ларьке. Идешь в большой компании гулять и провожать друг друга до дома, несёшь в руках шапку и щуришься от солнца. Наконец-то зима прошла! Но, если зайти в лес, снег там ещё лежит, в самом тёмном местечке, но я знаю – он тоже тает. Пока идём до дома через парк, который казался нам лесом, видим, как пробиваются голубые подснежники и другие первоцветы, почки на деревьях стали толстенькими и вот-вот разлипнутся, оттуда покажется новая ярко-зелёная листва. Лучше этого периода нет ничего. Новый воздух. Новый мир.

Я прихожу домой, кидаю рюкзак, отпрашиваюсь гулять. Родители разрешили до 8 вечера, спешно надеваю «уличную» куртку, собираю хвостик и мчу на улицу. Ребят там много, и почти все одноклассники. У нас куча разных игр, начиная с догонялок на велосипедах и «казаков-разбойников», заканчивая игрой в «магазин», где мясо – это красный кирпич, а курица – белый. Весы тоже имелись, и даже маленькие гири. Еще на улице есть бетонные плиты, снег там уже стаял. На них можно разложить настольную игру, и все-все

ребята умещались. Некоторые лежали на спине, греясь на весеннем солнышке.

Однажды у соседей я заметила целую поляну подснежников – вынеся из дома табуретку, я долго сидела и любовалась синими цветами на белом снегу, вокруг не было больше никакого цвета, всё только черно-белое и вот тут – ярко-синяя полянка. Между нами и соседями был забор сеткой, я протиснула ладошку и вытащила пару подснежников вместе с луковицей, посадила их к нам под окно. На следующий год они вылезли, а через пару лет под нашим окном была синяя лужайка! Весенняя жизнь продолжалась и у нас на земле. На участке было два дома – наш и летний домик бабушки Иры и дедушки Фимы.

С первыми признаками весны приезжала и бабушка Ира из своей «зимней» квартиры, и начиналась жизнь! Новая! Живая-преживая!

Приказы сыпались налево и направо, всем трём внукам: мне, моему родному брату Никите и двоюродному Тёмке. Самое первое, что мы начинали делать в саду, – это собирать осеннюю листву. Бабушка выдавала нам грабли, и мы начинали свою работу: сначала были маленькие кучки, потом большая, дальше всё поджигалось, и по всей улице, со всех участков шёл серый дым и запах прошлогодней листвы. После такой уборки воздуха становилось больше, и такое чудо – из земли теперь было видно ростки – тюльпаны

и ирисы, которым ещё долго нужно будет греться на солнце, но они уже тут, мы их видим. Когда был перерыв в уборке, я, схватив из дома кусочки чёрного хлеба, забегала с подружкой на такой же костёр с листвой к кому-нибудь во двор, там мы жарили хлеб, ели, дуя и обжигая губы. Потом я неслась назад и ближе к дому уже слышала бабушкины замечания – кто-то из братьев делал что-то не так. Мы быстро собирали ещё пару кучек, и потом самое главное и долгожданное – первый в этом году самовар! Растапливать его поручалось Тёмке, как самому умному и взрослому мужчине среди нас (Никитка был младше нас на 5 лет). Тёма серьёзно подходил к вопросу, разжигал щепочками, раздувал и старался. Мы с Никитой закидывали сосновые шишки, чтобы вкусно пахло. Надевали сверху трубу, и всё, можно ждать и накрывать на стол. Чаепитие на улице, под навесом летнего домика. На лавках лежат тёплые подушки, мы в куртках, но это уже весна! Птицы, воздух – всё началось! Пить чай на улице, первый раз после зимы, – это волшебство. Из кружки идёт белый пар, он пахнет дровишками и сосной из-за шишек. Душистый очень! Мы пьём чай и смотрим в наш сад, он стал чистым и свежим. Он дышит! Костры уже догорают, а их запах не выветривался из нас ещё пару дней. Им пахло всё – когда мне кажется, что он пропадает, я нюхаю кожу руки.

Наш дом, наш сад, наша улица

Некоторых воспоминаний у меня нет, но я слышала столько историй с самого детства от прабабушки Нины и бабушки Иры, от мамы и от тёти Клавы, нашей дальней родственницы, которая делила с нами дом на две части, что этот образ – нашего дома – сформировался с маленьких моих лет, и всегда кажется, что я там прожила не одну жизнь, а вместе со всеми. Наш дом был таким местом, где каждый из нас был счастлив, в определённый отрезок своей жизни.

Дом построили на краю Коровьего лога мой прапрадед Тихон и прапрабабушка Анна. Жили хорошо – прадед работал краснодеревщиком. Моя бабушка Ира (дочь Анны и Тихона) всегда рассказывала нам, что посреди гостиной стоял белый рояль, а в малой комнате была печь с изразцами. Я помню из детства только сундук тех времён – деревянный, перетянутый железом, а внутри ковры, тонкие и с такими переливами, как крылья бабочек.

Потом была война. Прабабушка Анна осталась в городе, а дочь Нину эвакуировали в Алма-Ату.

Вернувшись в разрушенный город, мои прабабушка и бабушка все восстанавливали сами, носили брёвна из реки, строили дом с самого начала. Он получился тёмно-зелёного цвета с белыми резными рамами. Одна из комнат была верандой, её стены состояли наполовину из окон, тонких и

лёгких. Комнату всегда наполнял свет и воздух, завтракать там было одно удовольствие! На столе стояли свежие цветы или ветки сирени из сада.

Потом у Нины появилась своя семья: муж Анатолий и маленькая дочка Ирина (моя бабушка). В 1941 году была получена телеграмма, что Анатолий без вести пропал. Он больше никогда не вернётся домой. Не появится на углу улицы, не откроет калитку, не зайдёт в сад.

Мир восстанавливался от войны, дети росли, и весна вновь наступала. Уже взрослая Ирина приглашает в дом своих друзей, он снова наполнился и ожил. Встретив моего дедушку Ефима, бабушка создала свой мир: эстетически красивый, изящный и погружённый в искусство, но замкнутый только внутри них двоих. Этот новый мир образовался и переехал в обычную квартиру на улице Южноморавской с большим, настоящим самолетом на остановке, а через дорогу парк с душистыми соснами и рыжими иголками на земле.

Старый дом иногда наполнялся весёлой компанией друзей Ефима и Ирины, собирались в саду на праздники и дни рождения, слушали классическую музыку: Вивальди, Баха.

Шли годы, и однажды моя мама Катя (дочь Ирины), будучи шестнадцатилетним взрослым человеком, приняла решение и переехала к своей дорогой бабушке Нине, в этот с детства обожаемый ею дом. Мама настолько любила это место, что всё возвращалось ей с двойной силой. Они с бабушкой Ниной были дружны, а вместе с домом, втроём, стали

единым организмом. Начинали вдыхать весной, когда зацвёл первый абрикос, и выдыхали поздней осенью, собрав последнее зимнее яблоко.

Моя мама училась, работала и каждый день наблюдала за рассветами и закатами – тут, в этом доме, на этой земле. Видела, как ложится первый снег или распускается первый подснежник. Когда есть большая любовь, она обязательно станет шире, разольётся и впустит в себя новую жизнь. Так в дом пришёл мой папа, а потом я и мой брат.

Дом тоже стал больше, веранда перестала быть верандой – стала нашей с братом комнатой, а ещё позже появился второй этаж.

Это было лучшее время! Всё цвело, было пышным и зелёным, жужжало и порхало. Зрели абрикосы, вишни, яблоки и виноград. Весь сад был разбит на съедобные кусочки, тут я могла полакомиться малиной, потом перебежать через дорожку, за ветками чего-то непонятного начиналась смородина, а за ней – пара кустов моей любимой ежевики! Каждый день был насыщен событиями, кипела жизнь: прибежали соседи сначала поругаться, а потом попросить что-то из инструментов; папа приходил с работы, принося в сумке маленького щенка; мама открывала самую вкусную банку солёных помидоров, под пюре и запечённую курочку; каждые выходные пеклись пироги, собирались столы с друзьями и родственниками; мы – дети, с утра и до позднего вечера пропадали на улице.

Дом и участок были окутаны виноградом, всю веранду перетягивал сорт «Изабелла», домашнее вино дедушка Фима начал делать из нее, позже в середине сада появилось 4 шпалеры винограда французских сортов. Переехав в дом, мой папа тоже увлёкся виноделием, они с дедом нежно ухаживали за ягодами, прятали на зиму, доставали весной. Мои молодые родители с друзьями собирались в конце сада, там было их место: диваны прямо под звёздами, столик и костёр. Играли в две гитары, пили вино, кричали песни группы «Браво» и «Чайф», Гарика Сукачева. Я часто прибежала, сидела вместе с ними и мечтала о такой же компании таких дружных ребят. Огромный круглый клён шелестел над нами, то зелёными листьями, то осенними желто-красными. И тот миг – вечность. Он навсегда остался там в саду. Стоит только на секунду закрыть глаза.

Когда мне было 15 лет, мы переехали с родителями в Москву. В дом перебрались бабушка Ирина и дедушка Фима. Я часто приезжала в Воронеж повидать друзей и родных. Как-то, перед отъездом на вокзал, я взяла всю компанию друзей, и мы решили заскочить в дом. Повидаться. Дедушка угощал нас своим вином, мы обсуждали все казусы этого приезда и наши приключения, смеялись. Очень не хотелось уезжать, внутри стягивало – было страшно, что этого никогда больше не будет. И в то же время – жар разливался по телу, от того, что это всё моё. Мои друзья, мои бабушка с дедушкой и мой клён, всё также в конце сада.

Дом наблюдал, как течет жизнь, и старел вместе с нами, отдавая каждому кусочек себя. В итоге отдал всё, что у него было. Всё закончилось одним мартовским утром: дом опустел совсем. Моя бабушка Ира, оставаясь там до конца, тоже отдала всю себя. Каждой веточке в саду, каждой розе и пиону, каждой луковице тюльпана, которую дедушка Фима заботливо привозил ей из зарубежных командировок.

Но наш миг – вечность. Стоит только на секунду закрыть глаза.

На пороге новых открытий,
Под плечами, под самой кожей
Будоражат меня мурашки
И разносятся эхом молний.

Открывая балкон ночью
И смотря на труб дым,
Вспоминаю твои очи,
То, о чем ты мне говорил.

О далеких твоих мечтаниях,
О твоём большом пути.
Я смотрю на звезды дальние,
И всё замирает внутри!

На далекой-далекой улице,

Где когда-то ты маленький жил,
Распускаются так же лилии,
Цветут абрикосы и дым

От весенних костров по улице
Разнесет, пронзив нас насквозь!
Все желания наши и помыслы
И созревших цветов гроздь

А на улице запах хлеба,
Запеченного на костре
И уже фонаря тени,
Свет на зеленой стене.

Вот и сгущаются краски,
Вот отключили закат.
И силуэт убегает
В пышущий жизнью сад.

Первая ложь, ради конфеты «Barbie»

Я хожу на гимнастику, со своей незаменимой подружкой Катей.

Мы вместе всюду. Тётя Марина – мама Кати – часто забирал нас после тренировок и в буфете покупает своей дочке вкусную конфету, с розовой Barbie на упаковке. Мне ни разу не предлагали, и я не просила, но постепенно грусть накапливалась. Как-то раз стало совсем обидно, и я решила, что раз мне родители денег не дают, то я их откуда-то достану.

Моей прабабушке Нине на сберкнижку приходила пенсия, она ее снимала и хранила в коричневом шершавом кошельке под подушкой. Я это знала и никогда туда не залезала, не было нужды. И вот ситуация поменялась.

Как-то раз, прыгая на бабушкиной кровати, я вспомнила про кошелек, и, пока я была в комнате одна, сделав вид, что я упала – стала искать рукой кошелек под подушкой. Нашулав нужный предмет, достала его и вытащила первую бумажку, быстро скомкала, запихав в карман сарафана. В комнату неожиданно вошла бабушка, браня меня на ходу: «Даша! Ну сколько я тебе говорила! Сколько просила тебя не прыгать на кровати! Я потом не могу спать из-за пружин!» Я еще ра-

за два-три прыгнула и, соскочив, унеслась дальше бегать-играть.

На следующий день после тренировки я стояла в очереди в буфет, ёрзала на месте от предвкушения, Тётя Марина была слегка удивлена, что я тоже что-то собралась покупать. Подходит мой черёд – я протягиваю заветную бумажку, и продавщица говорит: «Ого! Ничего себе, крупная какая! А нет помельче?»

Тут уже и тётя Марина обратила внимание на крупную купюру, собрала брови ближе к носу и говорит: «Что-то мама тебе большую слишком денежку дала, это же как целая зарплата!» – помню яркий блеск её почти черных глаз и нотку хитрости в голосе – всему этому я не придавала значения.

А продавщица тем временем бегала, искала сдачу, пытаюсь разменять у ожидающих своих детей родителей. Одна видная тётушка открыла сумочку из блестящей кожи, покопалась там и достала стопку оранжевых бумажек, отсчитала нужное и отдала продавщице, забрав мою синюю бумажку.

Домой я шла ужасно счастливая: наконец-то у меня конфета с Barbie, там ещё и наклейка внутри оказалась! Мы с Катей лопали заветную вкуснятину, а я всё прокручивала в голове, что у меня целая зарплата в кармане ещё – это же я сейчас всех обрадую дома, сколько всего ещё накупим!

Прибежав, я со входа закричала: «А я зарплату принесла!» – как будто я это заработала. Мама очень удивилась, подошла и оценивающим взглядом взглянула на пачку денег.

И тут, в эту самую секунду только, вся картина сложилась у меня в голове.

Что это не зарплата никакая вовсе, а сдача, с тех денег, что я взяла без спроса у бабушки Нины. И на вопрос, откуда деньги, я уже опустила голову и залилась краской.

Больше так никогда поступать не хотелось.

В мире теперь есть один человек, который немного лучше меня

В обычный солнечный денёк я подошла к маме и сказала, что хочу братика. Мне было 5. Она задумчиво ответила: «В общем-то, скоро так и будет». Мама была на 3 месяце беременности. Помню, как она водила меня в детский сад, стояла ужасная, липкая жара, живот был огромный, маме было тяжело. Я шла, цепляясь взглядом за её платье в цветах и румянец на щеках – мама была особенно красива в тот день.

После того, как брат родился, они с мамой ещё оставались в больнице, и мы с бабушкой поехали их проведать. Оказалось, что можно было только смотреть из окна. Я подумала: «Что только не придумают взрослые! Нельзя даже подняться к маме, а ведь я скучаю, но только смотреть в окно – и все». Мы пришли, встали у входа, подняли головы, и там, высоко, появилась мама со свертком – всё было замотано, но лицо было видно и голова, она была вытянутая, как яйцо. На ней было много черных волос, глаза узкие, кожа темноватая. Я не испугалась, но удивилась и подумала: «Какой-то странный наш Никита!»

Прошла неделя. Днём в субботу, к дому вдруг подъехали две машины, и из них посыпались родственники и друзья родителей, вышла мама и свёрток. Я ничего не понимала, от-

куда они приехали и почему все вместе. Очень было любопытно посмотреть, какой он вблизи – мой родной брат. Мама разрешила немного посмотреть, но Никита просто спал, закрыв плотно глаза-полосочки, малюсенькие ноздри приподнимались и сопели. А я постепенно начала понимать, что меня не взяли на какой-то праздник, когда забирают детей из роддома.

Брат рос и пухлел, превращаясь в хорошенького пупса. Мама убирала в большой комнате ковры с пола, ставила синюю ванночку с водой, сажала туда брата, и он лупил ладошками по воде со всей силы, брызги разлетались повсюду, Никитка визжал от радости. Я тоже улыбалась, любовалась им.

Когда его сажали в манеж, он долго играл сам, потом начинал капризничать, а потом и вовсе раскачивал его и переворачивал. Маленький Геракл. Мы с братом выросли на фильмах Джеки Чана, папа скупал все кассеты, мы знали наизусть каждое слово и поворот сюжета. Никите было года три, он рассекал по улице в стандартных советских полосатых колготках и короткой толстовке, с рюкзаком, набитым битыми кирпичами, в прыжке выкидывал ногу вперёд и кричал: «Я – Джеки Чан!» Сначала было прикольно, а потом всех уже этим замучил!

Брат вытягивался и взрослел, детская пухлота обещала вот-вот уйти, обниматься он уже не давался, и его заставить добровольно было невозможно. Я пошла на хитрость и при-

думала для нас игру – он поет в опере, на сцене, а я сижу в зале, и вдруг на него совершается коварное нападение, он падает, и я бегу его спасать, при этом сильно обнимаю и прошу у всех проходящих помощи! Объятия и мольбы о помощи длились бесконечно долго!

Через пару лет эра Джеки Чана и наших игр прошла, и новой любовью брата стала Памела Андерсон, героиня сериала про спасателей. Она стала для Никиты идеалом женской красоты – подлизываясь к маме, он говорил: «Мам, ты такая красивая, как Памела Андерсон, дай мне, пожалуйста, ещё одну конфетку!» И мама таяла. Было ещё одно выражение: «Мама, я смотрю только на тебя, а вижу только Памелу Андерсон!»

В 6 лет у Никиты произошла романтично-музыкальная история.

У воспитателей детского сада в подготовительной группе к школе была такая традиция – приглашать учеников из музыкальных классов на показательные выступления, те приходили, играли на инструментах и детсадовские тоже начинали так хотеть. Никита безумно влюбился в игру на скрипке, ну и в девочку, которая играла на ней. Прелесть! В дело снова вступила бабушка Ира, решив, что у Никиты прирожденный дар к игре. Она вновь убедила родителей, на сей раз – отдать брата в музыкальную школу.

Сначала было мило: Никита играл нам на гитаре и на фортепиано на всех семейных праздниках. Мы хлопали и вос-

торгались. Но потом начался кошмар! Днём игра на пианино и гаммы – три часа, вечером уроки, а поздним вечером игра на гитаре – два часа. Так было и в будни, и в выходные. Я, сидя часто в соседней комнате, переживала за Никитку, за то, как много он занимается, как устаёт. Папа, занимаясь дома с братом гитарой, тоскливо-нервным голосом в пятисотый раз повторял: «Никита, не опускай кисть! Прижимай палец сильнее! Не наклоняй голову». В какой-то момент брат согнулся к инструменту, слёзы капали прямо в сердце гитары – резонаторное отверстие. Я тоже плакала в соседней комнате – такой маленький грустный трудяга. Так прошёл год.

Постепенно он стал всё это ненавидеть: занятия дома, уроки и своего слегка сумасшедшего, но гениального учителя Льва Михалыча. Да и девочка со скрипкой затерялась где-то в толпе других ребят.

Никита, приходя из школы домой, уже настолько не хотел заниматься гитарой снова, что глаза наполнялись злыми слезами с порога. Однажды – и это было последней каплей – он пришёл, бросил инструмент в чехле на диван и убежал гулять. Мне стало его так жалко! Но я очень удивилась его решительности – он никогда с гитарой так не обходился, всегда был очень аккуратен, уважителен к ней.

Вечером пришёл папа, поужинал и, уже тоже с грустью, спрашивает брата:

«Ты позанимался днем гитарой?»

Никита, вращая глазами в разные стороны, отвечает:

«Там струны порвались».

Папа, подозревая неладное, говорит: «Ну, неси, будем смотреть».

Брат с поникшей головой пошёл за гитарой на веранду и с такой же головой вернулся назад, вместе с инструментом в чехле.

Вытащив гитару, передал папе, он посмотрел на струны и закатился смехом: «Никит, ну как порвались?! Если ты их поджёг!»

Брат отвечает: «Нет, не сжег!»

Папа говорит: «Признайся, что сжёг, потому что я вижу на краях оплавленные кончики!»

Брат, подумав, ответил правдой: «Да, сжег».

Папа сказал: «Молодец, мужик!».

Подростковый период брата дался нам обоим непросто, мы жили в одной комнате, он постоянно играл в компьютер, и ночами тоже – громко стучал по клавиатуре и шёпотом, от которого просыпались даже в соседней квартире, говорил по микрофону с друзьями, а у меня утром работа и вечером универ. Мы ругались, говорили друг другу всякие неправильные слова, не могли никак найти общий язык. Потом Никита вырос чуть-чуть и наконец-то стал адекватным, мы вместе смотрели сериалы, болтали обо всём по-честному и уже могли договориться про компьютер. Как-то я сказала дома, что я давно уже встречаюсь с одним молодым челове-

ком и хотела бы его познакомить со всеми. Попросила брата одеться нормально. Вечером звоним с Серёжей в дверь, немного нервничаем – открывает Никита в классическом костюме.

Такой он, человек, который ещё немного лучше, чем я.

Пока садится солнце

Лучи заходящего красного солнца падают на верхушку тополя и сосну, выхватывают части нашего дома, чуть касаются больших яблонь, делая их облакообразные цветы розово-оранжевыми.

Бабушке Зое оттуда, со скамейки, открывается вид на всех нас: мы как муравьи, суедемся по даче, занимаемся разными делами. Кто-то на другом конце пилит дрова к костру, слышно только звук. Кто-то на диване читает книгу, закутавшись в плед. Я, скорее всего, прибираю в беседке, готовясь к чаепитию, и минут через 10 буду кричать: «Паааа! Чай готов! Серёёёг, а ты будешь?» Крикну и бабуле, она не сразу услышит:

«Зой! Зооооооя! Зо-о-о-ю-юшка! Иди чай пить!»

Бабушка ещё пару секунд оставит себе, потом отрывисто положит руку на коленку – мол, всё, пора идти в шум. Крикнет мне: «Да иду я, иду!»

И снова в суете, решать задачи, раздавать дела.

Какая Зоя на самом деле – я начала понимать не так давно, уже взрослой, когда нам случилось вместе пожить. До этого не думаю, что я действительно знала, какой она человек. В нашей семье много детей, у бабушки нас сначала было трое внуков (я, Сашка и Никитка). То, сколько она нам разрешала, – не разрешал никто. На даче мы ставили костюмирован-

ные представления, надевали старые платья и свитера, которые когда-то носили Зоины дети, и вот, пролежав в шкафах пару десятков лет, вещички дождались своего часа и участвовали в наших постановках. Иногда мы просто бегали из угла в угол на втором этаже дома, кричали и смеялись, до изнеможения. Потом лежали на полу и от света большой напольной лампы показывали друг другу «тени» – зайцев, собак, птиц.

Мы с Сашкой ходили в деревню за молоком, босиком, не обходя ни одной лужи. Возвращались с банкой ещё немного тёплого, парного молока (раскручивая сумку с ним, как солнышко на качелях). Я помню раскаленный солнцем асфальт, прохладный и очень сильный ветер, а вместе с ним – жар и зной летнего воздуха. Запах полей. Обычно бабушка просила ещё что-то купить в магазине, например, хлеб. А на сдачу мы покупали огромный пакет ирисок. Съедали по дороге сколько могли, ещё часть распихивали по карманам. Остальную, уже небольшую часть пакета отдавали бабушке Зое, чтобы после обеда нам официально можно было их есть. Всю следующую неделю бабуля находила и собирала по всей даче фантики от ирисок: под подушками кроватей, под скалкой, в недрах диванов, во всех карманах нашей одежды.

Втроем мы ходили в небольшой сосновый лес за грибами, рядом с дачей. Как я кричала, когда нашла первый гриб: «Маслëëëëёнок!» Детская, искренняя радость! В лесу на каждой иголочке сосны накопилась роса и, собирая гри-

бы, мы все промокли, но были такие радостные, счастливые! Воздух пах мокрой землёй и хвоей, а руки свежими грибами. Остались фотографии того дня: я с липким масленком среди сосен, мы с Сашкой сидим в летнем душистом поле. Наши будни на даче были такими устоявшимися, как любые летние каникулы. Но не помню, чтобы хоть один день мне было скучно. Мы любили дачу, эту землю.

Как-то зимой я приехала к Зое на выходные, в квартиру. Был конец декабря, и мы решили с одноклассницами, что будем дарить друг другу новогодние подарки, я вспомнила об этом накануне, как раз сидя у бабушки дома. Времени что-то покупать, конечно же, не было, а у Зоюшки вся квартира была заставлена разными штучками. Им не хватало места на мебельной стенке, и они уже лежали в шкафах. Бабушка так удивилась, когда я решила дарить подружкам всё то, что найду у неё ненужного, говорила: «Даша, ну это же не подарки – это барахло какое-то!»

А я заливалась от смеха! Там была статуэтка ангелочка, но у него не было руки.

Зоя начала хохотать вместе со мной: «Ну и подарки на Новый год! Просто ужас!»

А я говорила: «Да нормально, скажу, что он упал!»

Смеялись до слез, перебирая всё барахло, нашли какие-то старые подарочные пакеты и стали раскладывать в них всё, что только нашли. Кусок коралла из Таиланда; ангелок без руки (всё-таки пошёл в дело); какая-то страшная, но новая

мягкая игрушка; новогодний стеклянный шар, из которого вытек весь снег; куча страшных статуэток – всё пошло на подарки. Такой у нас получился сочельник. Только наш.

Я выросла, жизнь вокруг меня менялась, и я поступала так, как мне было тогда просто необходимо. Мы потерялись с бабушкой Зоей, отделились – она не понимала моих поступков, а я её. Спустя год она переехала в Москву из Воронежа насовсем – тяжело такое осуществлять, будучи уже совсем взрослым, когда привык жить совсем один, а тут у тебя большая семья, со своими мыслями и представлениями. Пока Зоя привыкала к новой жизни, неожиданно для всех заболел очень важный для неё человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.